

М. А. Одинцова, Е. В. Самаль

ПСИХОЛОГИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ ДЛЯ СПО

Рекомендовано Учебно–методическим отделом среднего профессионального образования в качестве учебника и практикума для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 159.96(075.32)

ББК 68.9+88.4я723

О-42

Авторы:

Одинцова Мария Антоновна — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии дистанционного обучения факультета дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета;

Самаль Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории права, управления и психологии филиала Российского государственного социального университета в г. Минске.

Рецензенты:

Вачков И. В. — профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии Московского государственного психолого-педагогического университета;

Пергаменщик Л. А. — профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и семейной психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка.

Одинцова, М. А.

О-42 Психология экстремальных ситуаций : учебник и практикум для СПО / М. А. Одинцова, Е. В. Самаль. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 303 с. — Серия : Профессиональное образование.

ISBN 978-5-534-01915-5

Учебник направлен на повышение социально-психологической компетентности студентов при столкновении с экстремальными ситуациями, при оказании квалифицированной психологической помощи людям в экстремальной ситуации и за ее пределами. Полученные знания могут быть использованы в работе психологических служб, которые по роду деятельности обязаны обеспечивать эффективные действия специалистов в экстремальных ситуациях.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования и профессиональным требованиям.

Для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования психологического профиля, преподавателей, а также практических психологов и спасателей.

УДК 159.96(075.32)

ББК 68.9+88.4я723

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-01915-5

© Одинцова М. А., Самаль Е. В., 2016

© ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

Предисловие	7
-------------------	---

Раздел I

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Глава 1. История и этапы становления экстремальной психологии	13
<i>Психологический практикум .....</i>	<i>42</i>
Глава 2. Понятия «экстремальные условия» и «экстремальные состояния»	43
<i>Психологический практикум .....</i>	<i>61</i>
Практикум	63
Вопросы и задания для самоконтроля	63
Тесты для проверки и самопроверки знаний	63
Темы для подготовки докладов к семинарским занятиям	65
Литература	65

Раздел II

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОЛОГИИ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Глава 3. Экстремальные ситуации. Виды, особенности	69
3.1. Понятие «экстремальная ситуация»	69
3.2. Чрезвычайные ситуации и катастрофы	76
3.3. Катастрофическое сознание: структура, особенности формирования	82
3.4. Кризисная и критическая ситуации в контексте экстремальности	88
3.5. Ситуации острого стресса (дистресса)	92
<i>Психологический практикум .....</i>	<i>96</i>
Глава 4. Ситуации психологического и физического насилия	97
4.1. Тоталитаризм. Ситуации насилия	97
4.2. Терроризм и экстремизм как типы экстремальных ситуаций	100
<i>Психологический практикум .....</i>	<i>109</i>
Глава 5. Экстремальные условия профессиональной деятельности	111
5.1. Факторы экстремальности и риска в трудовой деятельности	112
5.2. Боевой стресс и военные действия	118
5.3. Профессиональная деятельность сотрудников ОВД и спасателей МЧС	122
5.4. Экстремальность в спорте	127

5.5. Профессиональная надежность и адаптация личности к работе на объектах повышенной опасности.....	133
<i>Психологический практикум</i>	137
Практикум	139
Вопросы и задания для самоконтроля.....	139
Тесты для проверки и самопроверки знаний	140
Темы для подготовки докладов к семинарским занятиям.....	141
Литература.....	141

Раздел III ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Глава 6. Личность и группа в экстремальных ситуациях	145
6.1. Психологическая травма. Виды психологических травм.....	145
6.2. Посттравматические стрессовые расстройства.....	150
6.3. Психогенные расстройства при стихийных бедствиях и катастрофах.....	155
6.4. Потеря как экстремальная ситуация. Этапы переживания горя.....	159
6.5. Поведение толпы при экстремальных ситуациях.....	161
<i>Психологический практикум</i>	165
Глава 7. Психологическое здоровье личности и экстремальные условия	166
7.1. Виктимизация личности в экстремальных условиях	174
7.2. Виктимный и жизнестойкий копинг-стили поведения личности в экстремальной ситуации.....	181
7.3. Болезнь как один из типов экстремальной ситуации. Психологический потенциал личности в ситуации болезни.....	191
<i>Психологический практикум</i>	198
Практикум	200
Вопросы и задания для самоконтроля.....	200
Тесты для проверки и самопроверки знаний	201
Темы для подготовки докладов к семинарским занятиям.....	203
Литература.....	204

Раздел IV ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Глава 8. Методологические проблемы психодиагностики экстремальных состояний личности	209
8.1. Принципы психодиагностики личности в экстремальных ситуациях	209
8.2. Методы диагностики посттравматического стрессового расстройства и его симптомов.....	214
8.3. Диагностика адаптационных возможностей человека.....	217
<i>Психологический практикум</i>	227

Глава 9. Психологическая помощь личности в экстремальных ситуациях	228
9.1. Принципы оказания первой психологической помощи пострадавшим	230
9.2. Экстренная психологическая помощь. Особенности и правила.....	233
9.3. Психотерапия в экстремальных ситуациях.....	238
9.4. Дебрифинг. Правила и особенности проведения	241
<i>Психологический практикум</i>	253
Практикум	254
Вопросы и задания для самоконтроля.....	254
Тесты для проверки и самопроверки знаний	254
Темы для подготовки докладов к семинарским занятиям.....	256
Литература.....	256
Заключение	258
Список литературы.....	259
Глоссарий	261

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Н. С. Лесков. «Обойденные».....	281
Приложение 2. Опросники и проективные методики, используемые при исследовании и коррекции негативных состояний личности в экстремальных ситуациях.....	284
Ответы на вопросы тестового материала.....	303

Предисловие

Экстремальная психология как наука достаточно молода. Но она прошла огромный путь становления и развития от времен античности, а то и первобытного общества до наших дней.

Психология как наука зарождалась на фоне многочисленных экстремальных событий XIX в. Душевные потрясения людей в революционных столкновениях, политических баталиях, войнах, кризисах, катастрофах, несчастных случаях на производствах, стихийных бедствиях и их последствия в виде психических расстройств нуждались не только в благоприятном излечении, но и в объяснении особенностей возникновения, протекания и социального вреда.

Как следствие, возникла необходимость разобраться в психологической сущности революций, войн, катастроф, их механизмах и последствиях для психологического здоровья человека. И уже в середине XIX в. в связи с исследованием последствий массовых железнодорожных катастроф появляется термин «травматический невроз». Начиная с описания его признаков у людей, пострадавших в результате железнодорожных катастроф, психиатры описывают и множество иных случаев проявления травматического невроза при других экстремальных ситуациях: падение с высоты, удар молнии, кораблекрушение, пожары, взрывы, душевные потрясения и т.п. Так, к 80-м гг. XX в. складывается уже четкое представление о посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР).

Активное развитие в конце XIX — начале XX в. военной психологии приводит к тому, что актуальными становятся не столько стратегические и тактические вопросы войны, сколько ее психологический аспект, стратегии воздействия на массы людей, психология бойца и т.д. И вопросы эти по сей день не теряют актуальности.

В последние годы все более распространенными становятся случаи массовых беспорядков, терроризма, стихийных бедствий, техногенных катастроф, а также межнациональных конфликтов, в том числе и вооруженных. Эти экстремальные ситуации, включая военные действия, приводят к необходимости знать и постоянно изучать психологию поведения личности и группы в таких ситуациях, уметь оказать не только квалифицированную помощь, но и в отдельных случаях спрогнозировать, а иногда и предотвратить психологические и социальные последствия таких ситуаций.

При стихийных бедствиях и различного рода катастрофах люди теряют родных и близких. Процесс переживания утраты очень тяжелый, кто-то справляется самостоятельно, а кому-то требуется квалифицированная психологическая помощь и поддержка. Знания о том, как проходит процесс

горевания, что можно считать нормой в этом процессе, а что — отклонением от нормы, и как помочь горюющему, также дает экстремальная психология.

Все вышеперечисленное и многое другое указывает на важность и значимость изучения экстремальной психологии, постоянное выявление и исследование новых ее аспектов и прикладных областей.

Данный учебник ориентирует студентов на изучение особенностей экстремальных ситуаций и психологии поведения человека в экстремальных ситуациях. Экстремальная психология объединяет многочисленные достижения теории и практики, знания о психологии экстремальности в жизни и в профессии, о сущности посттравматических и психогенных расстройств и состояний, их возникновении и динамике развития, об основных способах преодоления и психологической помощи, о возможностях укрепления психологического здоровья и использования человеком собственных внутренних ресурсов, адаптационного и реабилитационного потенциала.

Задачи изучения дисциплины:

- 1) сформировать представление об истории развития и основных понятиях экстремальной психологии;
- 2) ознакомить с видами экстремальных ситуаций, условий и состояний;
- 3) способствовать расширению кругозора студентов в вопросах психологического здоровья и реабилитационного потенциала личности;
- 4) сформировать понимание психологических проблем поведения личности и группы в экстремальных ситуациях;
- 5) способствовать приобретению навыков и опыта психологической диагностики и помощи при экстремальных ситуациях.

В первом разделе анализируются основные исторические вехи в становлении и развитии экстремальной психологии. Особое внимание уделяется донаучному периоду ее развития, когда первые идеи зарождались в трудах великих философов, мыслителей, поэтов и писателей, стремящихся объяснить психологию поведения человека в предельно трудных условиях (войны, революционные движения, техногенные и природные катастрофы и т.п.). Также дается детальное описание экстремальных условий, ситуаций и состояний. Делается акцент на том, что экстремальные условия, более постоянные, чем экстремальные ситуации, влетают в биографию человека, вызывая те или иные экстремальные состояния и способствуя развитию готовности или неготовности личности к экстремальному воздействию.

Во втором разделе дается общее представление о психологии экстремальных ситуаций, анализируются виды и особенности экстремальных ситуаций. Детально рассматривается структура катастрофического сознания и особенности его формирования. Дифференцируются понятия «экстремальная ситуация», «чрезвычайная ситуация» и «катастрофическая ситуация», а также конкретизируются понятия «кризис», «кризисная ситуация», «критическая ситуация» и «ситуации острого стресса». Анализируются формы и виды насилия, терроризма и экстремизма. Особое внимание уделяется анализу проблемы экстремальных условий профессиональной деятельности: от классификации экстремальных факторов профессиональной деятельности до описания особенностей экстремальных профессий.

В третьем разделе анализируются последствия экстремальных ситуаций для человека. Дается представление о психологической травме, ее видах и последствиях травматизации, в частности описываются посттравматическое стрессовое расстройство, психогенные расстройства при стихийных бедствиях и катастрофах, процесс переживания горя и утраты. Отдельным блоком обсуждаются имеющиеся в современной науке подходы, объясняющие поведение толпы в экстремальной ситуации. Также в данном разделе рассматривается категория «психологическое здоровье», выделяются его составляющие и уровни. Дается представление о процессе виктимизации личности в экстремальных условиях и характеристиках виктимных личностных типов. Болезнь рассматривается как один из типов экстремальной ситуации, исход которой зависит от реабилитационного потенциала личности.

В четвертом разделе дается представление о существующих видах, принципах и правилах психологической помощи личности в экстремальной ситуации. Указывается на специфичность применения в подобных ситуациях психологической диагностики. Метод интервью и метод тестов рассматриваются как основные в диагностике посттравматического стрессового расстройства и его симптомов. Адаптационные возможности и совладающее поведение определяются основополагающими для формирования психологической готовности человека к деятельности в экстремальных условиях. Особое внимание уделяется вопросам психотерапевтической работы с побывавшими в экстремальных ситуациях, в частности экстренной информационной терапии и психологическому дебрифингу.

В каждую главу включен психологический практикум, содержащий задания для рефлексии, современные методики диагностики, проективные тесты и методики, видеоматериалы (документальные, художественные фильмы, видеосюжеты и т.п.), которые рекомендованы для просмотра и обсуждения при изучении некоторых разделов курса.

В список основной и дополнительной рекомендуемой литературы входят учебные пособия, учебники, монографии, доступные для студенческой аудитории и максимально полезные при выполнении самостоятельных и творческих работ, а также для проведения исследований по проблематике экстремальности.

Таким образом, в результате изучения дисциплины студент должен освоить:

трудовые действия

- владеть навыками анализа причин стремления человечества к экстремальности, анализа психологической готовности личности к экстремальному воздействию;
- владеть навыками анализа позитивных и негативных последствий экстремальных ситуаций; анализа оздоровительных ресурсов личности в экстремальной ситуации; структурирования информации о катастрофах, чрезвычайных и экстремальных ситуациях;
- владеть способами структурирования компонентов психологического здоровья личности; навыками анализа структуры виктимного личностного

типа; анализа виктимного и жизнестойкого стилей преодоления экстремальных ситуаций; рефлексивными навыками;

- владеть методами диагностики адаптационных возможностей человека, последствий экстремальных ситуаций и посттравматического стрессового расстройства; техниками помощи при острых реакциях на экстремальные ситуации;

необходимые умения

- анализировать изменения в личности на фоне экстремальных событий, последствия экстремальных событий;
- анализировать формы и виды насилия, терроризма и экстремизма;
- анализировать структуру психологического здоровья, факторы виктимизации личности при экстремальных условиях, характеристики виктимных личностных типов, реабилитационный потенциал личности;
- определять визуально и методом опроса степень подверженности травматизации человека, пережившего экстремальную ситуацию;
- грамотно использовать метод тестов в диагностике ПТСР и адаптационных возможностей человека;

необходимые знания

- предмет, цели и задачи дисциплины;
- история и этапы становления экстремальной психологии;
- понятия «экстремальные условия» и «экстремальные состояния», «экстремальная ситуация», «психологическая травма», «виктимизация», «психологическое здоровье» и «реабилитационный потенциал»;
- этические нормы и особенности работы психолога в экстремальных ситуациях;
- принципы психологической диагностики личности в экстремальных ситуациях и правила оказания первой психологической помощи;
- правила и особенности проведения дебрифинга как вида экстренной психологической помощи.

Учебник направлен на повышение социально-психологической компетентности студентов при столкновении с экстремальными ситуациями, при оказании квалифицированной психологической помощи людям в экстремальной ситуации и за ее пределами. Главная задача преподавателя — нацелить студентов на постоянное самообразование и повышение профессиональной квалификации в области развития профессиональной помощи в экстремальных ситуациях различного рода.

Учебник и практикум предназначены для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования, а также для всех, кто интересуется экстремальной психологией, вопросами экстремального воздействия на личность и его последствиями, вопросами психологического здоровья личности и психологической помощи в экстремальных ситуациях.

Раздел I

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

В результате изучения данного раздела студент должен:

знать

- историю и этапы становления экстремальной психологии;
- понятия «экстремальные условия» и «экстремальные состояния»;

уметь

- анализировать изменения в личности на фоне экстремальных событий, последствия экстремальных событий (войн, революций, несчастных случаев);
- дифференцировать понятия «экстремальные условия» и «экстремальные состояния»;

владеть

- навыками анализа причин стремления человечества к экстремальности, анализа психологической готовности личности к экстремальному воздействию.
-

Глава 1

ИСТОРИЯ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

История — великое дело! Кто не знает истории — будет ли то отдельный человек, или отдельный народ, ему придется в своем историческом прогрессе по несколько раз возвращаться назад, как тому путнику, который не знает маршрута и не хочет спросить людей.

И. А. Сикорский¹

Донаучный период развития экстремальной психологии связан с появлением суждений, которые в некоторой степени объясняют сущность экстремальных ситуаций, психологию поведения человека в предельно трудных условиях, а также стремления к прогнозированию и управлению действиями людей в необычных ситуациях (войны, революционные движения, техногенные и природные катастрофы и т.п.).

В античной мифологии война как один из типов экстремальных ситуаций расценивалась как нечто обычное, как достижение власти, богатства, статуса; она приветствовалась, поэтами и философами воспевался героизм и храбрость участников военных действий. Так, анализируя одно из произведений древнегреческого поэта Гомера², мы находим следующие восторженные слова о величии войны и героизме бойцов:

*Великое дело
Битвы теперь наступило: ее вы так долго желали!
В бой теперь каждый иди, в ком сердце отважное бьется!..
Если ты храбр, то да будет война тебе нынче желанной!..
Ждет Агамемнона слава великая, если троянцы
Будут разбиты и Троей священной мы овладеем;
Горе великое ждет, если будут разбиты ахейцы.
Ну же, так вспомним с тобою мы оба кипящую храбрость!*

Гомер подмечает и психологическую особенность воинов, которые облачаются в звериные шкуры с целью преодолеть страх и создать устрашающий образ для врага:

---

¹ Сикорский И. А. О психологических основах национализма. Киев : Типография И. Н. Кушнерев и К^о, 1910. С. 9. (Здесь и далее цитаты из источников, изданных до 1918 г., приводятся в современной орфографии.)

² Гомер. Илиада. М. ; Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1949. URL: http://royallib.com/book/gomer_/iliada.html (дата обращения: 07.10.2016).

*Встал Агамемнон с постели своей и в хитон облачился,
К белым ногам привязал красивого вида подошвы,
Сверху на плечи набросил до пят доходившую шкуру
Рыжего льва и копье захватил в многомощную руку.
Страхом таким же и царь Менелай волновался. На веки
Сон и ему не садился. Боялся он, как бы ахейцы
Не пострадали, — они, кто чрез влагу великую моря
Ради него устремились на Троию с войной дерзновенной.
Прежде всего он покрыл леопардовой шкурою пестрой
Стину широкую, взял и на голову шлем свой надвинул
Медью блестящий, копье захватил в многомощную руку.*

Как видим, война называется Гомером великим желанным делом, воспеваются храбрость и отвага, агрессия возводится в ранг священнодействия героев.

Одновременно с этим, Гомер подмечает и обратную сторону войны: глупое индивидуальное горе каждого, кто потерял близких.

*Близко к нему подошла, обливаясь слезами, супруга,
Тиснула руку, и слово сказала, и так говорила:
«О нехороший! Погубит тебя твоя храбрость! Ни сына
Ты не жалейшь младенца, ни матери бедной. И скоро
Буду вдовою я, скоро убьют тебя в битве ахейцы,
Сразу все вместе напавши! А если тебя потеряю,
Лучше мне в землю сойти. Никакой уж мне больше не будет
Радости в жизни, когда тебя гибель постигнет. Удел мой —
Горести.*

Пожалуй, философским смыслом войны в представлении Гомера является переосмысление стремления древнего человека к воинской славе как возможности приобрести бессмертие перед потомками. Это хорошо отражено в другом его произведении — «Одиссее». Слава заставляет жаждать еще большей славы: победы над Троей Одиссею недостаточно. Встреча с циклопом и его свержение, победа в спортивных состязаниях — все это дает несравнимый восторг и упоение славой победителя. Однако путешествие в загробный мир вдруг заставляет главного персонажа задуматься над истинным смыслом своих подвигов. Встреча с Ахиллесом — героем, воплощавшим воинскую славу и мужество, но который в мире мертвых приобретает вдруг бестелесность и неопределенность, полностью меняет мировоззрение Одиссея. Ахиллес говорит Одиссею, что согласился бы быть даже рабом при жизни, отказавшись от статуса властелина в царстве мертвых. Тем самым автор подчеркивает, что слава и почесть ничто в сравнении с простой человеческой жизнью.

Таким образом, произведения Гомера демонстрируют нам психологию героев и модели поведения в экстремальных ситуациях, заставляют задуматься над психологией войны и трагизмом происходящего, психологией экстремальных ситуаций.

Следует отметить, что в истории цивилизации существуют и довольно продолжительные периоды мирного существования людей. Например, период власти Августа в Древнем Риме — это время стабильности, которое

начинается примерно с 27 г. до н.э. и заканчивается 180 г. н.э. В этот период активно выстраиваются храмы мира, чеканятся монеты мира. Однако человеческая природа такова, что если не на войне, то в мирной жизни человеку все же необходимо реализовать стремление к экстремальности.

Этот относительно мирный период Римской империи отмечился в истории всплеском гладиаторских боев, проводимых едва ли не каждый день, даже во время празднеств. Людская жажда кровавых зрелищ воплотилась в знаменитом Колизее. По всей Римской империи были построены сотни подобных театров смерти. За кровавыми поединками наблюдали тысячи и тысячи зрителей, которые нередко голосовали за смерть на арене. Колизей вошел в историю как величайший символ варварства того времени. Толпа людей стремилась наблюдать «пляску смерти» и ликовала: мучение людей, их смерть на арене приводила публику в состояние экстаза. По мнению Р. Кайуа¹, в древних обществах функция войны во многом воплощалась в праздниках.

В эпоху Средневековья бесконечные войны продолжались. Велась война и против мирных жителей. Так, именно в тот исторический период было зарегистрировано множество изобретений, связанных с убийством мирного населения: пыточные камеры, наполненные странными и одиозными устройствами для ужасных видов смерти человека. Гильотина, еще не получив своего названия, вошла в историю как самая известная машина смерти Средневековья (казнь падающим топором путем обезглавливания впервые была осуществлена в Ирландии в 1307 г.). До нашего времени дошел труд Генриха Крамера и Якова Шпренгера «Молот ведьм» (1487) — книга, ставшая руководством для отлавливания и уничтожения ведьм.

Ту историческую эпоху можно назвать одним из самых кровавых и мрачных периодов в истории человечества. Проводились крупномасштабные чистки: одна религия стремилась уничтожить другую. Преследования продолжались вплоть до XVIII в. (последнюю «ведьму» повесили в Англии в начале XVIII в.). Более 500 лет народ жил в страхе перед преследованиями инквизиции: люди гибли на гильотине, на виселицах и кострах. Даже христианская церковь начинала свою историю со смерти, что вылилось в крестовые походы — войны между христианами и мусульманами, продолжавшиеся вплоть до XVII в. Абсурдная безумная эпоха, наполненная жесточайшими убийствами «во имя Бога».

Размышляя о психологии народов, Г. Лебон объясняет происходящее в Средневековье выражением крайней нетерпимости людей друг к другу. «Эта нетерпимость проявляется тем ярче, что усваиваемые ими мнения, будучи чаще всего внушены чувством, оказываются, поэтому самому, недоступными никакой аргументации. Всякого, кто не согласен с их воззрениями, они считают злонамеренным существом, которое надо преследовать, пока не удастся избавиться от него, хотя бы самыми насильственными мерами»².

---

¹ Кайуа Р. Миф и человек, человек и сакральное. М. : ОГИ, 2003.

² Лебон Г. Психология социализма. СПб. : Тип. акц. общ. «Слово», 1908. С. 127.

Психиатр и историк Поль Реньяр, описывая эпоху Средневековья, указал на интересный психологический факт жестокости, умножающей жестокость и возводящейся в ранг подвигов, называя это «умственной эпидемией». Только так можно было объяснить некоторые исторические события. Например, один из самых жестоких судей по еретическим делам в то время в Германии Бальтазар Фосс хвастался тем, что сжег более 700 человек, и надеялся со временем довести это число до тысячи¹.

Таким образом, средневековая «умственная эпидемия», основанная на мистицизме, колдовстве и жестокости, в некоторой степени составляет содержание экстремальной ситуации, породившей большое количество жертв.

Эпоха Возрождения, начинаясь с восстановления искусства, культуры, науки, также была окрашена множеством экстремальных событий, связанных с продолжающейся борьбой католиков и протестантов. Наиболее ярким событием стала череда военных конфликтов, или Тридцатилетняя война (1618—1648), затронувшая практически все европейские страны. Многим государствам понадобилось больше века для экономического и социального восстановления.

Именно в данную эпоху впервые в художественной литературе зазвучали протесты против войны как явления. Так, знаменитый немецкий поэт Мартин Опиц (XVII в.) пишет о войне как о величайшем злодействе:

*Злодейская война растлила мысль и чувство.
Так вера выдохлась, в грязи гниет искусство,
Законы попорчены, оплеваны права,
Честь обесчещена и совесть в нас мертва.
Мы словно отреклись от добрых нравов немцев,
Постыдно переняв повадки чужеземцев.
С нашествием врага из всех разверстых врат
К нам хлынули разбой, распутство и разврат.
Кто в силах вытерпеть падение такое
И угождать войне, себя не беспокоя,
Тот носит лед в груди, тот дьяволом влеком,
Тот вскормлен тиграми звериным молоком!²*

В данный период впервые зазвучали протесты против войны. Призывы Гомера, Мартина Опица и других поэтов и философов к миру, наконец, обретают силу. И хотя войны продолжались, однако, в XVIII в. человечество впервые задумалось о мире, а не войне. На протяжении XVIII в., названного историками философским веком, постепенно начинает меняться отношение человечества к войне как к явлению. Именно Ф. Вольтеру принадлежит мысль: «Война неизбежно истощает государственную казну. Разве взятое у побежденных наполнило бы ее? Начиная с древних римлян, я не знаю ни одного народа, который обогатился бы вследствие победы»³.

¹ Реньяр П. Умственные эпидемии. Историко-психиатрические очерки. СПб.: Типография и хромолитография А. Граншель, 1889. С. 12.

² Опиц М. Жалоба / пер. Л. Гинзбурга // Немецкая поэзия XVII века. М.: Художественная литература, 1976. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=8148> (дата обращения: 07.10.2016).

³ Вольтер Ф. Высказывания, цитаты и афоризмы // Афоризмы великих людей. URL: <http://www.wisdoms.ru/pavt/p44a.html> (дата обращения: 07.10.2016).

Именно в данный период, экономические отношения, просвещение, наука, культура, а не война становятся основным средством обогащения государств. Однако эти представления были еще слишком слабы, но именно в эпоху Просвещения зарождаются идеи гуманизма и отношения к человеку как ценности. Поистине гуманно еще одно изречение Вольтера: «Война превращает в диких зверей людей, рожденных, чтобы жить братьями»¹.

Так начинает меняться воззрение на природу войны, ведь достижение власти и статуса возможно не только путем завоеваний, война становится уже не чем-то героическим и естественным, а выходит за грань нормы, в философском и психологическом смысле приобретает характеристики экстремальности.

Если взять историю Руси, то славяне развивались всегда в экстремальных условиях в силу тяжести самих природных обстоятельств. Историки свидетельствуют, что Русь почти не знала агрессивных нашествий против других народов. Необходимости в этом не было из-за бескрайности земель и относительного достатка. Однако войны и побоища существовали внутри Руси между царствами и княжествами и против иноземных захватчиков.

Это хорошо отражено в знаменитых произведениях: «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», в которых описаны последствия кровавых столкновений между дружинами и против чужеземных агрессоров: «...и была гроза великая и сеча сильная и страшная»; «И была злая сеча, и много людей пало...»; «...обе стороны пошли друг на друга, и была злая сеча». Там, где была радость и мир, «ныне вздохи и плач распростерлись». Для героев того времени было лучше умереть, но не посрамить земли Русской. «Ибо мертвые срама не знают, а если побежим — покроемся позором», — написано в «Повести временных лет»². Психологически значимым фактором была религия, каноны которой запрещали проявлять жестокость и агрессию. Считалось, что вражда и междоусобицы возбуждаются дьяволом, ненавидящим род человеческий, а страдания посланы за грехи и будут искуплены в будущей неземной жизни. В земной же жизни необходимо следовать ряду правил. Например: «Утешайте печальных»; «Воистину, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, ибо положил голову свою за брата своего, не из желания получить большую волость и больше богатства, но за обиду брата»; «Боящийся не совершенен в любви. Если кто говорит: люблю Бога, а брата своего ненавижу — это ложь».

По представлениям древних все в любви совершается: «Любви ради и грехи рассыпаются, любви ради и Господь сошел на землю и распял Себя за нас грешных, взяв грехи наши, пригвоздил Себя ко кресту, дав нам крест, чтобы отгонять им ненависть бесовскую»³.

---

¹ *Вольтер Ф.* Высказывания цитаты и афоризмы.

² Повесть временных лет / сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина ; вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации ; Родная страна, 2014. С. 162.

³ Повесть временных лет. С. 201.

Так впервые при столкновении с экстремальными событиями люди начинают обращаться к духовным основам.

Еще одним психологически значимым фактором служат описания страданий людей в связи с гибелью их близких, что становится метафорическим протестом против войн. Наиболее ярко это отражено в плаче Ярославны из «Слова о полку Игореве». Приведем небольшой отрывок в переводе Н. Заболоцкого.

*Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удаलो
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»¹*

Однако, по свидетельству историков, власть Золотой Орды, продержавшаяся на Руси более 200 лет и изначально способствовавшая сплочению раздробленных российских княжеств против иноземцев, все же их не сплотила окончательно: междоусобицы продолжались вплоть до конца XVII в. Весь XVII в. в истории Руси называют бунташным веком: большое количество выступлений, восстаний крепостных крестьян, Смута, великий раскол в религиозном мировоззрении, городские восстания и прочие экстремальные события.

Наконец, в XVIII в. в России, так же как и в Европе, появляются идеи мира и свободы. Петровские преобразования формируют новую национальную русскую культуру, но в ней пока еще нет места человеческой личности как таковой (например, сохраняется крепостное право). Вместе с тем это время историки называют временем авантюристов и прожектеров, всегда готовых идти на риск ради переустройства мира. Начинает формироваться общество свободных людей, что связано с открытием множества учебных заведений, нацеленных на воспитание нового человека, образованного, думающего, обеспокоенного идеями общего блага, толерантного. В данный период зарождается учение о профессиях риска (М. В. Ломоносов) и появляются первые работы о безопасности людей в необычных условиях, о способах управления группами.

Подлинную историю России XIX в. открывает 1812 г., год захватнической войны Наполеона, которая уже тогда, на фоне зарождения гуманистических идей предшествующего века, стала для русского народа поистине экстремальным событием. Это подтверждается словами Л. Н. Толстого: «...началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму

---

¹ Слово о полку Игореве. URL: <http://old-russian.chat.ru/08slovo.htm> (дата обращения: 07.10.2016).

и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства..., убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира»¹. Толстой пишет о войне как о самом гадком деле в жизни и одновременно — как о «страшной необходимости»².

Яркие описания воздействий экстремальных событий на психику человека дает нам русская художественная литература. Смерть как неизбежная спутница войны вызывает не просто ужас, «кроме ужаса перед уничтожением жизни, чувствуется разрыв и духовная рана, которая, так же как и рана физическая, иногда убивает, иногда залечивается, но всегда болит и боится внешнего раздражающего прикосновения»³. Такими чувствами наделяет Л. Н. Толстой двух героинь «Войны и мира», потерявших на войне близкого человека. Нельзя опустить и следующие, очень точно и глубоко отразившие сам процесс горевания, слова Толстого: «Они, нравственно согнувшись и зажмурились от грозного, нависшего над ними облака смерти, не смели взглянуть в лицо жизни. Они осторожно берегли свои открытые раны от оскорбительных, болезненных прикосновений. Все: быстро проехавший экипаж по улице, напоминание об обеде, вопрос девушки о платье, которое надо приготовить; еще хуже, слово неискреннего, слабого участия болезненно раздражало рану, казалось оскорблением и нарушало ту необходимую тишину, в которой они обе старались прислушиваться к незамолкшему еще в их воображении страшному, строгому хору, и мешало вглядываться в те таинственные бесконечные дали, которые на мгновение открылись перед ними»⁴.

Так Л. Н. Толстой изображает переживания психологической травмы, которая неизбежна при прохождении через действительно экстремальное событие.

В XIX в. появляются описания переживаний боевого стресса и его последствий для участников военных действий 1812 г. Они тоже носят преимущественно художественный характер, но этот факт несколько не умаляет их значимости для экстремальной психологии. Медицинские работники, побывавшие на полях боев, не склонны были описывать тонкости лечения раненых, специфику болезней и ранений. Для них были важны душевные переживания, как свои собственные, так и других людей, сталкивающихся со всеми ужасами войны. Большое значение имеют для нас записки, оставленные очевидцами. Из письма Пюибюска мы узнаем о невероятных психологических мученьях людей, получивших ранения в бою: «Сердце разрывается, когда видишь старых, заслуженных солдат, вдруг обезумевших, поминутно рыдающих, отвергающих всякую пищу и через три дня умирающих. Они смотрят, выпучив глаза, на своих знакомых и не узнают их, тело их пухнет, и смерть неизбежна. У иных волосы

---

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3. С. 2. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0060.shtml (дата обращения: 07.10.2016).

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 298.

⁴ Там же.

становятся дыбом, делаются твердыми как веревки. Несчастные умирают от паралича, произнося ужаснейшие проклятья»¹.

В воспоминаниях французского доктора Росса описаны нервные расстройства солдат: «Уже к этому времени большинство людей были безобразны, грязны, разбойничьего вида, а такое кровавое занятие сделало их окончательно противными. По самым вздорным поводам вспыхивали ссоры, драки и истязания. При малейшем противоречии кто мог, выхватывал саблю. Я видел даже, как один обозный солдат из-за куска хлеба раскроил голову своему товарищу»².

Из воспоминаний французского врача Руа: «...мне приходилось переносить жестокие, пожалуй, даже ужасные страдания..., мне кажется, что я ни разу не переносил таких острых душевных мучений»³.

Уже в этих записях прослеживается описание переживаний военного стресса участниками событий.

Хорошо известно, что многие из воинов в битвах «закаляются», чувствуют себя непобедимыми, стойкими, неустрашимыми, адаптируясь к смертям и опасностям.

Руа пишет: «Впоследствии же, когда душераздирающие сцены и картины успели притупить чувствительность нервов, моя восприимчивость была несколько понижена благодаря привычке к подобным зрелищам»⁴.

Андрей Раевский также подчеркивает эффект адаптации к ужасающим событиям того времени: «не могу сказать однако ж, чтобы приближение к ужасам и кровопролитиям тревожило мою душу: зрение и слух привыкли уже ко всем бедствиям и страданиям, неразлучным с войною»⁵. Одновременно с этим, «долгое ожидание и самое самолюбие заставляло желать с нетерпением участвовать в знаменитых подвигах победоносных братьев наших»⁶. Но был и «ужас, который царил в человеческих сердцах, ужас, который еще больше усиливался в ночной тишине, когда раздавались крики убиваемых жертв»⁷, «именно этот ужас и страх делали воинов нечувствительными к настоящей жизни»⁸.

Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что человеческие чувства притупляются к окружающим ужасам. Последние могут оставлять следы в виде психологических рубцов. Как пишет Макс Нордау, это означает только, «что они перестают возбуждать внимание; но воспринимаются чувствами и нервными центрами и, следовательно, оставляют свой след»⁹.

---

¹ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 2012. С. 177.

² Там же. С. 536.

³ Там же. С. 174.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Раевский А. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. М. : Университетская типография, 1822. С. 66.

⁶ Там же.

⁷ Французы в России. С. 359.

⁸ Раевский А. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. С. 66.

⁹ Нордау М. Вырождение. СПб. : Типография П. П. Сойкина, 1894. С. 225.

Нервные болезни, как следствие душевного потрясения, могут обнаруживать себя иногда по прошествии некоторого времени — уже тогда этот факт был подмечен военными врачами. «Всякая большая война вызывает истерическое состояние в народных массах, большинство военных возвращаются с походов с расстроенною нервной системою, хотя они этого могут и не осознавать»¹.

Подрываются и нравственные основы поведения людей, оказавшихся в аду военных событий. Из воспоминаний Франсуа: «Бедствия уничтожают всякое чувство дружбы, одиноко царит лишь инстинкт самосохранения, и самый черствый эгоизм пришел на смену нежного чувства братства по оружию»².

В воспоминаниях Гриуа находим: «У нас затихло все великодушие. Не осталось даже инстинкта человечности, от природы заложенного в нашем сердце. Страшный эгоизм делал нас безжалостными»³.

По свидетельству Дедем, длительное пребывание в военных условиях ожесточает человеческое сердце: «Новобранцы были кротки и человеколюбивы, многие же из старых солдат утратили всякое нравственное чувство»⁴.

В общих глобальных бедствиях, по свидетельствам очевидцев, притупились все человеческие чувства: «Равнодушие заменяло всякое обыкновенное и естественное в человеке участие. Люди равнялись зверям, готовым растерзать друг друга, чтобы утолить свой голод»⁵.

В экстремальных условиях войны меняется и отношение людей к смерти. Воспоминания Андрея Раевского пронизаны недоумением: «Странно показалось мне, что люди так легко привыкают к самым ужаснейшим бедствиям. Неожиданная смерть мирного гражданина, похороны всегда обращают на себя особенное внимание всего селения или города; теперь ежедневно погибают тысячи юношей, без погребения остаются тела их, язвами покрытые, — и равнодушно селянин проходит мимо, и воин, с добрым сердцем, с чувствительною душою, хладнокровно смотрит на убийство, которое, по слабости и развращению смертных, соделалось делом чести и славы»⁶.

Тот же А. Раевский подмечает еще одну психологическую особенность людей в экстремальной ситуации. Он знал ранее некоторых гвардейских офицеров, робевших и трепетавших от сурового взгляда учителя, но тут увидел, что в войне «они стояли бестрепетно под градом пуль и картечи (странный оборот судьбы!)»⁷.

Схожие мысли высказывали и другие очевидцы. Кавалерист-девица Н. Дурова пытается разобраться в противоречивой природе своих страхов: например, страха перед дикими волками в степи и страха перед боем: «Для

---

¹ *Нордау М.* Вырождение. С. 225.

² *Французы в России.* С. 528.

³ Там же. С. 571.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ *Де Ла-Флиз Д.* Поход Наполеона на Россию в 1812 году. М.: Московское Книговедческое Товарищество «Образование», 1912. С. 72.

⁶ *Раевский А.* Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. С. 58.

⁷ Там же. С. 66.

чего ж в сражениях, при виде тысячи смертей близких, ужасных, в душе моей не было и тени страха? Что значит это? Боль, мученье, смерть, не все ли равно — от пули, сабли неприятеля, или от зубов и когтей свирепого зверя? Никак не могу добраться умом своим до настоящей причины, как страха своего, так и неустрашимости. Неужели это от того, что смерть на поле сражения сопряжена со славою, а на поле среди волков с одной только болью?»¹

Так, замеченные очевидцами существенные изменения в психологии человека, которым способствовало экстремальное событие, заставляло участников этого события задумываться над причинами таких перемен. Особенно удивляло очевидцев проявление звериного агрессивного начала в человеке на войне: «Ах, человек ужасен в своем исступлении! Все свойства дикого зверя тогда соединяются в нем! Нет! Это не храбрость! Я не знаю, как назвать эту дикую, зверскую смелость, но она недостойна называться неустрашимостью»².

В доступных для нас источниках обнаружено, что военные врачи уже тогда описывали и психические расстройства (на тот момент еще не нашедшие соответствующей терминологии в медицинской науке), связанные с ужасами войны 1812 г. Хотя они по большей части имеют характер художественных описаний, обратимся к некоторым из них. Так, Я. И. Говоров неоднократно упоминал в своих записках о появлении психических расстройств у участников военных действий, не похожих на известные науке того времени: «Кто из врачей, будучи спутником оных воинов, не видел на лицах их угнетающих душевных страстей? Страх и уныние при приближении к средоточию своего Отечества, тоска и горечь при виде пожираемых пламенем городов и сел, отчаяние от чувствования бессилия сражаться с торжествующим врагом — сколько должны были иметь влияния на произведение болезней, отличных по своему характеру от обыкновенных»³.

Как врач Багратиона Я. И. Говоров писал о значимости психологических страданий полководца на фоне физической раны. Говоров был убежден, что великого полководца погубили «тайные некоторые душевные страдания»⁴, связанные с глубокими переживаниями за судьбу Родины. Все врачебные пособия оказывались малодейственными и бесполезными, потому что акцентировали внимание на физической ране, в то время как рецептуры по излечению душевных страданий, ожесточающих телесные болезни, не существовало.

Французский доктор Доминик де Ла-Флиз писал, что «никто так коротко не знаком с немощью человеческою, как врач. В то время, когда другие торжествуют победу хвалебными молебнами, увеселениями, иллюминациями и фейерверками, полковой лекарь не отходит от торжеств этой

---

¹ Кавалерист-девица. Происшествие в России. Издал Иван Бутовский. СПб. : Военная типография, 1836. С. 274.

² Там же. С. 104.

³ Будко А. А., Журавлев Д. А. Роль военной медицины в победе русской армии в Отечественной войне 1812 г. // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 4 (13). С. 52.

⁴ Говоров Я. И. Последние дни жизни князя Петра Ивановича Багратиона. СПб. : Морская типография, 1815. С. 34.

победы, оглушаемый криками и стонами раненых, которые не прекращаются ни днем, ни ночью»¹. На фоне этого появляются мысли о безумности людей «в старании не только истреблять друг друга, но еще увеличивать и без того неизбежные недуги свои!»² Ла-Флиз де Доминик подчеркивал, что врачи «буквально утопали в крови, хотя не были виновниками ее пролития»³. Описывая впечатливший его акт так называемого мужества военного, которому ампутировали руку, доктор подчеркивает аффективные реакции больного: «...он стал просить меня отдать ему отнятую руку, что я и сделал. Взяв ее здоровую рукою, он поднял ее и с восторгом закричал: “Да здравствует император Наполеон!”»⁴

Другой французский врач, Росс описывает признаки нервных заболеваний и их последствий у некоторых воинов: «...два пушечных ядра просвистели над нами, и, когда одно из них упало совсем близко от его лошади, он упал с лошади, и думал, что он убит. Однако, вскоре его вопль: “Иисус Мария!” убедил меня в противном. Немало труда пришлось затратить, чтоб заставить его снова сесть на лошадь. У него появились признаки нервного расстройства, болезнь эта вполне развилась. Но когда я ему однажды заявил, что пошлю его с двумя лошадьми в Лепель, у него сразу обнаружились ясные симптомы выздоровления»⁵.

Особого внимания заслуживают работы Матвея Яковлевича Мудрова, наблюдавшего раненых и больных русской армии, который считал, что психическое воздействие на больного и создание для него благоприятной моральной обстановки является более психотерапевтичным, так как «...больные, страдая и отчаиваясь, тем самым себя лишают жизни, и от одного страха смерти умирают. <...> Зная взаимные друг на друга действия души и тела, долгом почитаю заметить, что есть душевные лекарства, которые врачуют тело»⁶.

«Душевному движению» М. Я. Мудров придавал особое значение при лечении военных: «В солдате надобно возбуждать дух храбрости в опасностях и неустрашимость смерти поучениями, разговорами и военными песнями. Целомудрие, трезвость с веселостью содержат солдата в победительном духе. С ним он может быть ранен, но побежден никогда; с ним он может быть болен телом, но здоров и весел духом»⁷.

Большое внимание М. Я. Мудров уделял практическим рекомендациям на основе наблюдений за солдатами русской армии: «Весьма выгодно для врача и для больных не допускать их в начале повальной болезни до страха и печали. Неприятные чувства предрасполагают тело к принятию

---

¹ *Де Ла-Флиз Д.* Поход Наполеона на Россию в 1812 году. М.: Московское Книговедческое Товарищество «Образование», 1912. С. 35.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ *Росс Г. У.* С Наполеоном в Россию: Воспоминания врача о походе 1812 г. СПб.: Лит. науч. кн-во, 1912. С. 20.

⁶ *Мудров М. Я.* Избранные произведения / под ред. и вступительной статьей А. Г. Гукасян. М.: Изд-во АМН СССР, 1949. С. 55.

⁷ Там же. С. 141.

заразы, напротив, радость, уверенность в безопасности и надежда на Бога и врача в опасности способствуют к ее избежанию»¹. Так появляются мысли о терапии души, что воздействует на тело лучше всяких лекарств.

Будучи гуманистом и протестуя против войны как явления, представляя печальную картину «следствий войны, остающихся в области, бывшей театром оной», Мудров писал: «Ни победы, ни триумфы, ни распространения пределов не могут вознаградить потери крови победителям. Один только мир и благоденственная тишина могут лечить раны и самой победоносной нации»².

Следует обратить внимание и на работы Н. И. Пирогова, которым впервые подмечено, что «травма поражает целый организм гораздо глубже, чем ранее это представлялось»³. Душевное состояние раненого сильно влияет на ход его излечения. По наблюдениям Н. И. Пирогова, победители выздоравливают быстрее, чем побежденные, встреча с родными и близкими оказывается более терапевтичной, чем многочисленные предписания врачей, и наоборот, страхи, душевные волнения могут нанести смертельный удар организму раненого бойца. Войну при этом автор называет травматической эпидемией.

Этого же мнения придерживался В. П. Сербский и отмечал, что у военных душевные расстройства более часты, чем у гражданского населения; «за последнее время в особенности обращает на себя внимание все возрастающее количество самоубийств в армиях Западной Европы. Причины этого явления очень сложны и не могут быть сведены к какому-нибудь одному фактору, а зависят от целой совокупности неблагоприятных условий»⁴, важнейшее место среди которых занимают психологические.

В 1863 г. Л. Адамович описывал примеры появления травматического столбняка, который может развиваться вследствие не только физических травм, но и моральных потрясений (печаль, огорчение, страх, испуг) раненых. «Рефлективная возбуждаемость бывает иногда при ранах столь сильная, что достаточно не только самого легкого прикосновения к телу, но звона, шума, падения какой-нибудь малой вещи и т.п.». Описаны случаи, когда раненые заболели, например, от испуга вследствие ночного звона колоколов. «Этою чрезмерною возбуждаемостью, господствующею в столбняке, последний хорошо отличается от других судорожных болезней»⁵, — писал Л. Адамович.

Так, впервые в XIX в. зазвучала тема боевого стресса, его последствий для человека, а также некоторых способов врачевания. Появляются идеи

---

¹ Мудров М. Я. Избранные произведения. С. 159.

² Там же. С. 160.

³ Пирогов Н. Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-спитальной практики и воспоминаний о крымской войне и кавказской экспедиции. Дрезден : Типография Э. Блохмана и сына, 1866. С. 312.

⁴ Сербский В. П. Руководство к изучению душевных болезней. Студенческая Медицинская Издательская Комиссия, 1906. С. 153.

⁵ Адамович Л. О столбняке в особенности же травматическом. Диссертация, представленная в конференцию императорской С.-Петербургской медико-хирургической академии для получения степени доктора медицины. СПб. : Типогр. Иосафата Огриско, 1863. С. 9–10.

о важности и значимости эмоциональных, душевных переживаний и их воздействии на физическое состояние и скорость излечения людей.

Продолжим наш небольшой экскурс в историю. Особый интерес представляет столетний период относительного мира между двумя войнами: войной 1812 г. и первой в истории Европы и России мировой войной 1914 — 1918 гг. В данный период происходят бурные экономические, политические, культурные и научные преобразования во всем мире. Но именно на фоне всего этого и зарождаются идеи революции. Это та же, но «маленькая» война. Война и мир, образуя новые или возвращая старые поведенческие модели, предстают в сложных формах, взаимосвязаны и вытекают из образов вечной борьбы между добром и злом. По сути, фаустовское изречение: «Но две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом» отражает бесконечность данного процесса. Только во Франции за данный период произошло пять революционных переворотов. За прекрасными лозунгами свободы, равенства, братства скрываются ужасающие по сути экстремистские идеи полного разрушения всего, что было достигнуто человечеством.

Как писал А. Сорель, «ужасы революции нужно изображать тою же кистью, как инквизицию»¹. Только два данных трагических явления истории поменялись местами: инквизиция преследовала неверующих и атеистов, а революционеры резко выступили против уже устоявшихся религиозных ценностей.

Путешествуя во Францию — «передовую» страну, родину революций, — Н. М. Карамзин описывал внешние признаки регресса французского народа: сплошное запустение, грязь, разленившиеся люди. Окунувшись в атмосферу следствий французской революции, историк называет революцию национальной трагедией, которая грозит распадом страны, способствует утрате ее могущества и величия, а также становится «гробом для добродетели»². Карамзину чуждо насилие и кровопролитие, неизбежно сопровождающие каждую революцию: «Насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот»³.

В романе-пророчестве «Бесы», основанном на реальных событиях, отражающих зарождение террористических, радикальных и атеистических идей в России того времени, Ф. М. Достоевский описывает психологию людей, живущих на грани, аморальных, считающих, что им все дозволено, ни во что не верящих и способных на любые крайние действия. Речь идет о тех бесах, которые живут в душе человека, подталкивают на низость, подлость, преступление, экстремальные проступки. Более того, эти бесы заставляют человека упиваться совершенным злом, не чувствуя при этом ни малейшего сожаления. Убийства революционерами оправдываются, они считают, что без насилия не может быть равенства.

Призывы рушить все: государство, церковь, нравственность, подкрепляются возвышенными лозунгами свободы. Экстремистски настроен-

---

¹ Сорель А. Европа и французская революция. СПб. : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1908. С. 157.

² Карамзин Н. М. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Л. : Художественная литература, 1984. С. 314.

³ Там же. С. 316.

ная молодежь стремится приобщить к себе умных, которые необходимы для обуздания толпы, а на глупцах (рабах) ехать верхом — такие противоречия заключены в мыслях экстремистов, которые борются за равенство.

Формирование нового человека «люди на грани» связывают с победой над болью и страхом. Только тогда история, по их мнению, будет делиться на две части: «от Гориллы до уничтожения бога, и от уничтожения бога до...»¹ трансформации человека в бога. Они призывают к самоубийству, потому что безграничная свобода, по их мнению, — это свобода «сметь убить себя»: «Кто смеет убить себя, тот бог»².

Переход человека от Гориллы до уничтожения бога может привести революционеров к состоянию Гориллы — звероподобного существа, отрицающего образование, науку, ценности и сметающего все на своем пути. «Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет»³, — восклицает главный бес романа Петр Верховенский.

Жажда власти и лозунги к усмирению и послушанию («надо устроиться послушанию») становятся главной темой экстремистов: «У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность»⁴.

К экстремистам Ф. М. Достоевский относит не только тех, кто режет и поджигает, стреляет, но и так называемых латентных экстремистов, пополняющих их ряды: «Учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развitez своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!»⁵

Преступление для таких людей становится здравым смыслом, почти долгом, благородным протестом. Пьянство, сплетни, донос, неслыханный разврат, смута, «всякого гения потушить в младенчестве» для них означает полное равенство. Но «нужна и судорога, когда все вдруг начинают поедать друг друга»⁶.

Так Ф. М. Достоевский описывает начало переворота ценностей в сознании людей XIX в., печальные последствия духовной деградации множества людей на фоне развития революционных настроений, предсказывает опасности, стоящие за этим, что впоследствии мы наблюдали в нашей истории и продолжаем наблюдать сегодня. Время экстремистов не закончилось, возможно, оно только начинается.

Отто фон Лейкснер, делая общий обзор французской литературы века революций во Франции (например, романы Фридерика Сулье «Записки

---

¹ Достоевский Ф. М. Бесы. М. : Художественная литература, 1990. С. 122.

² Там же. С. 123.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 391.

⁵ Там же. С. 393.

⁶ Там же. С. 392.

дьявола», 1838; «Два трупа», 1833 и др. (Сами названия впечатляют. — М. О.), описывает ее как нечто крайне пессимистичное и даже демоническое: все чистое и непорочное гибнет в омуте ужаса и страха, «и над этой адской пропастью не может промелькнуть ни одна нравственная мысль»¹. Так в литературе, прежде всего во французской, отражается действительность. И за такими картинами не может не быть услышанным «рочотание революции», делает вывод автор.

На фоне происходящих на протяжении всего XIX в. экстремальных событий в зарубежной науке появляются тревожные мысли и о психическом вырождении людей, внешними признаками которого, по мнению Макса Нордау, служат легкая возбудимость, преобладание чувств бессилия и уныния, пессимизма, бездеятельность, склонность к мечтательности, мистицизму, сомнениям, неспособность противиться навязчивым влечениям, отсюда — склонность к преступлениям, безнравственным проступкам, так называемое нравственное помешательство². Нордау считал, что в Париже в XIX в. вследствие войн и многочисленных революций наблюдалась настоящая эпидемия душевных болезней, для которой нашли, по его словам, подходящее название: «осадное помешательство»³. Особенно угнетающе воздействовало на психику французов, считавших себя первым в мире народом и оказавшихся вдруг раздавленными, униженными, поражение в войне 1812 г. Все вдруг разрушилось: быт, мир, семья. Самое страшное для великого народа — потерять почет, уважение, самоуважение... Поражение воспринимается таким народом как позор. Возможно в силу этого, по свидетельству М. Нордау, во Франции такие душевные болезни, как истерия и неврастения, встречаются гораздо чаще, в более разнообразных формах, и изучены они лучше всего именно в этой стране⁴.

Особого внимания заслуживают наблюдения врачей, психиатров и психологов того времени. Появляются работы Пьера Брике, Жана-Мартина Шарко, Поля Реньяра и других, в которых авторы размышляют о причинах психических заболеваний, связанных с травматическими событиями, одним из которых являются революционные перевороты.

Так, Поль Реньяр, анализируя умственные эпидемии, подмечает, что революционные перевороты дают вспышку нервных чудачеств, которые зачастую принимают повальный характер. Ссылаясь на Бордье, он пишет, что в дни революции 1848 г. в одной из мастерских Парижа было 115 случаев судорожного обморока (из 400 работниц)⁵.

Следующую статистику по количеству душевнобольных во время и после различных политических переворотов приводил В. П. Сербский. Во время революций число душевнобольных уменьшается, но по прекращению — обычно возрастает в разы. Объяснение этому, по мнению

---

¹ *Лейкснер О. фон.* Наш век. Общий обзор явлений в области истории, искусства, науки и промышленности последнего столетия. Кн. 1–2. СПб.: А. Суворин, 1881–1883. С. 231.

² *Нордау М.* Вырождение. С. 27.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ *Реньяр П.* Умственные эпидемии. С. 11.

врача, кроется в том, что «крупные общественные движения привлекают к себе большое количество неустойчивых, дегенеративных лиц, которые принимают в них самое деятельное участие и нередко даже становятся во главе их»¹. По мнению В. П. Сербского, революционные перевороты служат как бы отвлекающим средством для дегенератов. Так, «многие деятели парижской коммуны 1870 года, несомненно, страдали душевным расстройством»². Возрастание числа заболеваний Сербский объясняет резкими душевными волнениями и тяжелыми материальными лишениями при прохождении через экстремальное событие. Эти факторы оказывают влияние и на потомство: «Поколение, зачатое во время парижской осады, по своей резкой неустойчивости, по склонности к нервным и душевным заболеваниям получило специальное название “дети осады”»³.

Особое значение в развитии травматического невроза имеет переживание человеком страха. В работе В. В. Срезневского «Испуг и его влияние на некоторые психические процессы» (1906) показано, что острое развитие травматического невроза происходит на фоне аффектов, из которых на первом месте стоит испуг. При этом действие аффекта, как пишет автор, может возрастать при одновременном его проявлении у большой массы людей на фоне присоединения внушения. Все экстремальные ситуации (катастрофы, пожары, кораблекрушения, революции, войны) «служат прекрасным условием появления массовых аффектов, а к ним и относится громадное большинство травматических неврозов»⁴.

С середины XIX в. в связи с массой экстремальных событий, в которых принимали участие большое количество людей (толпы, массы), начинают появляться исследования, пытающиеся объяснить народную психологию, познать дух народа, открыть его законы и элементы, наконец, понять, почему большие группы вполне мирных людей вдруг превращаются в жестоких и неуправляемых, склонных к зверствам и преступлениям. С 1859 г. в Германии начинает издаваться журнал «Психология народов и языкознание». Именно в данном журнале впервые была опубликована работа Х. Штейнталь «Мысли о народной психологии», в которой он размышляет не только о сути новой науки, ее принципах, но и поднимает важнейшие проблемы взаимосвязи политики и психологии. «Войны, мятежи, поражения и победы — все это имеет для народного духа то же значение, как здоровье и болезнь тела», — считает автор. Народный дух оказывает гораздо большее влияние на формы общественной жизни, чем душа на тело, и отдает государству более, чем от него получает. Победы или поражения, войны, трагедии имеют ближайшую причину — «народный дух», пишет Х. Штейнталь. «У каждого народа свой ум и воля, свое чувство

---

¹ *Сербский В. П.* Руководство к изучению душевных болезней. Студенческая Медицинская Издательская Комиссия, 1906. С. 152.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Срезневский В. В.* Испуг и его влияние на некоторые физические и психические процессы. Экспериментальное исследование с обзором учений об эмоциональных состояниях. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1906. С. 6.

и воображение»¹: они проявляются не только в его жизни, в религии, творчестве, но и в революционных движениях.

Французский психолог Гюстав Лебон также попытался объяснить психологию толпы. Им было отмечено, что «при современной нервности некоторых народов, самая незначительная причина вызывает чрезмерные проявления чувств: взрывы ненависти, ярости, негодования, энтузиазма раздражаются по ничтожному случаю, как громовые удары»². Лебоном было подмечено, что внезапные изменения во внешней среде могут разбудить спавшие в нас древние зародыши тех или иных проявлений характера. Таким образом можно объяснить, почему в мирной душе какого-нибудь простого человека может скрываться революционер. Возбудительные внешние причины способствуют проявлению скрытых личностей в мирном человеке, и он способен, например, расстреливать заложников, а художник — призывать разрушать памятники искусства. На поверхность выходят кровожадные инстинкты. «Взбалтывание осадка, заложенного древними в глубине нашей души, не проходит безнаказанно. Неизвестно, что может из этого выйти: душа героя или разбойника»³ — делает вывод автор.

Высказываются мысли о бесплодности революций и войн, направленных на переделку другого (других). Можно завоевать народ, поработить его, даже уничтожить, но нет силы, которая могла бы изменить душу народа. «Ведь эта наследственная народная душа, от влияния которой столь трудно избавиться, формировалась веками. В нее было всеяно много разнообразных элементов, и под влиянием тех или других возбудителей эти элементы могут проявляться»⁴.

Так, «эра масс» (по Г. Лебону) побудила ученых к изучению внешних и внутренних (духа народа) причин революций и войн.

Психологической сущностью воздействия на дух народа занимался отечественный ученый В. М. Бехтерев, который обратился к теме внушения и взаимовнушения, усиливающих чувства и стремления масс, необыкновенно поднимая степень их активности. Так, в речи, произнесенной им на собрании Императорской Военно-медицинской академии 18 декабря 1897 г., «Роль внушения в общественной жизни», ученый впервые поднял тему «психического микроба», который не виден под микроскопом, но есть везде, передается через слова, жесты, книги, газеты. Это своеобразное прививание некоторых психических состояний от человека к человеку, происходящее без участия воли принимающего, бессознательно, т.е. по выражению В. М. Бехтерева, чувства проникают не с парадного входа, а с заднего крыльца прямо во внутренние покои души, и они не требуют никаких доказательств, не нуждаются в логике.

Бехтерев подчеркивал губительность таких «микробов»: «Психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели

---

¹ Штейнталь Х. Мысли о народной психологии / пер. П. Гильтебрандт. Перепечатано из 1 и 5 выпуска Физиологических записок. Ред. А. А. Хованский. Воронеж, 1864. С. 9.

² Лебон Г. Психология социализма. СПб.: Типография акц. общ. «Слово», 1908. С. 81.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 79.

физический микроб, побуждая народы время от времени к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая с другой стороны жесточайшие гонения против новых эпидемических распространяющихся учений»¹. Число жертв воздействия психического микроба не меньше, чем микроба физического. Данный микроб (психический) становится могущественным фактором, увлекающим народы как к величайшим подвигам, так и к бедствиям. И здесь автор обращается к проблеме личности руководителей народных масс. «Так же как в руках ораторов, любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих правителей, известных публицистов, и в руках демагогов, тиранов заключена та могучая сила, которая может объединять массы для одной общей цели, увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются на целых поколениях»². С этой точки зрения, внушение как основной фактор должно стать предметом самого пристального изучения.

В конце XIX в. активно развивается военная психология (А. Зыков, Д. А. Коропчевский и другие). Так, в 1892 г. выходит очерк Д. А. Коропчевского «Психология войны»³, в котором он пишет о бесконечности и неизбежности войн в истории человечества и делает попытку разобраться в психологии войны: «Призрак войны никогда не сходит с нашего горизонта, он только временно заслоняется событиями иного, мирного характера; но как только эти события исчезают с нашего поля зрения, мы опять чувствуем себя в атмосфере войны»⁴, «Слово “война” имеет в себе что-то магическое, неудержимо затягивающее каждого»⁵. И перед войной почти бессильны религиозные и нравственные понятия. Склонность к переживанию таких экстремальных событий, как война, заложена в глубине человеческой психики с древних времен: дух воинственности, упоение жестоким наслаждением победы над врагом, инстинкт истребления. Обыденная жизнь в сравнении с войной кажется человеку чем-то мелким и почти постыдным, по-прежнему «благородной, возвышенной, завидной деятельностью»⁶ остается война.

Проанализировать психологию человеческих поступков и способы управления и влияния на человека и толпу, психологию толпы, организацию войск, психологию управления неприятельскими войсками и многое другое пытался А. Зыков⁷. Автор сравнивал военную психологию с аффективной и указывал на то, что последняя является основой первой. Именно поэтому важное значение приобретают чувства воинов. Воздействуя на них мимикой, жестами, убеждениями, чувствами, интонацией, возможно удвоить их первоначальные силы.

---

¹ Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни. Речь, произнесенная В. М. Бехтеревым в актовом годичном собрании Императорской Военно-Медицинской Академии 18 декабря 1897 года. СПб. : Издание К. Л. Риккера, 1898. С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Коропчевский Д. А. Психология войны. СПб. : М. М. Ледерле и К^о, 1892.

⁴ Там же. С. 3—4.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Зыков А. Как и чем управляются люди. Опыт военной психологии. СПб. : Типография Высочайше утвержд. тов-ва «Общественная польза», 1898.